

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУК**

125009, МОСКВА, МОХОВАЯ УЛ., 11-3
ТЕЛ.: +7(495)692-10-51/629-45-07
ФАКС: +7(495)629-92-96
WWW.INSTITUTEOFEUROPE.RU

**INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES**

125009, MOSCOW, MOKHOVAYA STR., 11-3
TEL.: +7(495)692-10-51/629-45-07
FAX: +7(495)629-92-96
WWW.IERAS.RU

Аналитическая записка №19, 2015 (№19)

Великобритания: новая политическая ситуация

Алексей Громыко

доктор политических наук, Директор ИЕ РАН

Результаты всеобщих выборов в Великобритании в мае 2015 г. имеют серьёзные последствия для внутренней и внешней политики страны. В первую очередь, это касается продолжения движения по пути противоречивых реформ "государства благосостояния", а также нарастания напряжённости в отношениях Лондона и Брюсселя по мере приближения референдума о членстве королевства в ЕС. Британия вновь подтвердила репутацию государства, которое обращает на себя внимание с точки зрения партийно-политических и федеративных процессов (деволюции), а также как «неудобный партнёр» Евросоюза. Однако эти неудобства — угроза выхода Британии из состава ЕС — могут иметь и определённую светлую сторону — стать дополнительным стимулом для реформирования этой региональной организации, в которой она так сильно нуждается.

Парламентские выборы преподнесли немало сюрпризов, главный из которых — однозначная победа Консервативной партии. Вновь, как когда-то в 1992 г. (тогда в четвёртый раз подряд власть удержали тори, хотя победу прочили лейбористам), критике подверглась работа различных социологических служб страны, практически все прогнозы которых были опрокинуты итогами голосования. Не только иностранные комментаторы, но и ведущие британские аналитики оказались в растерянности, ведь почти все предсказывали «подвешенный парламент» — неспособность ни одной из партий набрать абсолютное большинство депутатских мандатов, а значит, сформировать вновь ту или иную коалицию либо правительство меньшинства.

С одной стороны, произошёл возврат к практике однопартийного правительства, а значит, казалось бы, стабилизация политической системы, по крайней мере, в этом сегменте «мажоритарной модели» демократии, присущей Великобритании большую часть второй половины XX века, т.е. некий возврат к «бизнесу как обычно». В пользу этого говорит и то, что, например, Партия независимости Соединенного Королевства (ПНСК), набравшая около 3,9 млн голосов, смогла провести в Палату общин лишь одного депутата, а Шотландская национальная партия (ШНП) — 56, хотя за неё проголосовали только 1,5 млн человек.

С другой стороны, вопреки возвращению к практике однопартийных правительств, итоги майских выборов свидетельствуют о дальнейшем росте плюральности партийно-политической системы страны, только уже не в формате правительства, а в динамике отношений между Вестминстером и регионами. В этом на первое по значению место следует поставить изменения, случившиеся с ШНП: в политической истории Великобритании впервые произошел столь резкий скачок количества депутатских мандатов какой-либо партии — не в несколько раз, а на порядок. Другими словами, плюральность региональных партийно-политических систем (в данном случае — шотландской), «прорывается» в Вестминстер.

Результаты выборов стали и личной победой Д.Кэмерона, которому, вероятно, был бы брошен вызов внутри партии в случае её поражения, например, от Бориса Джонсона, мэра Лондона. Теперь Кэмерон, укрепив свой авторитет, не только сохраняет должность премьер-министра, но в ближайшем будущем гарантирован от попыток внутрипартийной оппозиции оспорить его лидерство. Но только на ближайшее. Почему?

Во-первых, ещё до майского голосования Кэмерон заявил о том, что освободит премьерское кресло после следующих всеобщих выборов (должны состояться в 2020 г.). Это значит, что подспудно позиционная борьба за пост лидера тори начнется задолго до их проведения. Учитывая соревновательный характер британской политической системы, Кэмерону вряд ли удастся безболезненно передать «эстафетную палочку» какому-то своему фавориту, например, канцлеру казначейства (министру финансов) Джорджу Осборну, даже при благоприятном для правящей партии развитии событий до 2020 г. «Передача власти» Гордону Брауну от Тони Блэра в 2007 г. была исключением, а не правилом. Кроме того, даже при том, что консерваторы на выборах в мае «прыгнули выше головы», их преимущество над другими партиями в Палате общин незначительное. Оно может быть «съедено» в течение 2-3 лет в ходе довыборов в парламент, на которых шансов обычно больше у оппозиционных партий, и в результате «измен» — депутатов-перебежчиков из торийской в другие парламентские фракции.

Во-вторых, внутрипартийная дестабилизация может произойти и намного раньше. Так, «подводные камни» евроскептицизма в Консервативной партии превратятся в остро торчащие рифы уже в следующем году, если Кэмерон не добьётся видимых успехов в

переговорах с Брюсселем о возврате ряда полномочий, переданных в предыдущие десятилетия Лондоном наднациональным структурам ЕС. Необходимо учитывать, что не только большинство депутатов-консерваторов являются евроскептиками, но среди них немало «твердолобых», т.е. тех, кто выступает за выход Британии из состава ЕС. В этом они смыкаются с ПНСК. Всем памяты события 1992-1997 гг., когда Консервативная партия оказалась расколотой и в состоянии «гражданской войны» из-за отношения к ЕС. Результатом были многочисленные «восстания заднескамеечников» при голосовании в Палате общин. Несколько раз правительство Джона Мейджора оказывалось в одном шаге от вотума недоверия.

Пожалуй, главными победителями майских выборов стали даже не консерваторы, а шотландские националисты. ШНП — партия левого, социал-демократического толка, небывало усилила свои позиции. В Шотландии она превратилась в партию-монополиста. В результате процесс деволюции (децентрализации власти в стране) наберёт дополнительные обороты.

Выборы привели к краху Партии либеральных демократов (ПЛД), младшего партнёра консерваторов в 2010-2015 гг. В принципе, резкое ослабление их позиций ожидалось на фоне повсеместного падения популярности ПЛД среди британцев. Но его масштаб принял беспрецедентный характер. Роль "козла отпущения" для малых партий в составе правящих коалиций — процесс характерный, особенно когда их формируют партии различной политической ориентации. Заключается своего рода «брак по расчёту». Малые партии, находящиеся у власти на вторых ролях, редко имеют возможность выторговывать у своего старшего партнёра выгодные им законопроекты, как и блокировать его инициативы, противоречащие ожиданиям их собственного электората. Теперь либерал-демократы, сохранив лишь восемь депутатских мандатов, отброшены по уровню своего парламентского представительства к началу 1970-х гг.

Можно сказать с определённой уверенностью, что на быстрое возрождение в качестве третьей политической силы в стране им рассчитывать не приходится; в лучшем случае это произойдёт к всеобщим выборам 2025 г. Существует и угроза того, что маргинализация ПЛД уже необратима. Такой негативный для неё сценарий вероятен, если Партия шотландских националистов закрепится в этой до недавнего времени традиционной для либерал-демократов политической нише. Как ни парадоксально, но спасением для них может стать то, что для королевства в целом будет непоправимым ударом — отделение Шотландии, а следовательно, уход с его политической арены ШНП. Но и в этом случае у ПЛД в оставшейся части страны может появиться серьёзный конкурент за третье место — ПНСК. На сегодня последняя — главный проигравший из-за «несправедливости» мажоритарной системы голосования для общенациональных малых партий, электорат которых территориально не сконцентрирован (в отличие от региональных партий). Однако в случае выхода Шотландии из состава королевства именно ПНСК может превратиться в партию английского национализма и прорвать барьеры мажоритарной системы так, как это сделала ШНП.

Лейбористская партия на майских выборах потерпела провал. Символом этого стало поражение второй по значению фигуры в теновом кабинете — Эда Боллза в своём собственном избирательном округе. Большую, если не главную роль в таком развитии событий сыграл субъективный фактор, ведь по логике вещей лейбористы должны были не только удержать свои позиции, но и значительно их улучшить. Как минимум, они претендовали на формирование правительства меньшинства. Однако результаты голосования подтвердили сомнения, касающиеся лидерских качеств и политической харизмы Эда Милибэнда. Случившееся с ним напоминает судьбу лейбористов при другом лидере лейбористов — Майкле Футе, избирательная кампания которого в 1983 г. оказалась столь же провальной.

Сколь неожиданным (по крайней мере, на первый взгляд) стал масштаб поражения лейбористов, столь непредсказуемым оказался итог выборов их нового лидера. Вопреки всем первоначальным ожиданиям, в сентябре 2015 г. им стал Джереми Корбин, один из немногих представителей «крайне левых» в парламентской фракции. Впервые избрание лидера прошло по новым правилам: теперь лидер лейбористов выбирается не только путём прямого голосования всех рядовых членов, но право голоса имеют все желающие, заплатившие в партийный фонд 3 фунтов ссерлингов. Корбин не просто победил фаворитов парламентской фракции — Иветт Купер и Энди Бёрнема, но сделал это «с ходу», уже в первом туре.

Одно из правдоподобных объяснений такого неожиданного исхода состоит в том, что в современной Лейбористской партии не существует сильного центра, который мог бы выдвинуть компромиссную для большинства внутрипартийных течений кандидатуру. Оба проигравших Корбину являются не только «лицом» правого крыла партии, но его «блэритской» составляющей. Однако такая ассоциация для большинства рядовых лейбористов, не простивших Тони Блэру вторжения в Ирак, оказалась неприемлемой. В условиях, когда традиционная «коллегия выборщиков» на выборах лидера ушла в прошлое, парламентская фракция лишилась возможности предотвращать избрание «левака». Сложилась ситуация, прямо противоположная долгой практике. Начиная с 1980-х гг., именно умеренные и правые лейбористы боролись за отмену «коллегии выборщиков» в пользу принципа «один человек — один голос» с целью не допустить на пост лидера представителя левого крыла партии. Тем самым, они «выводили из игры» две коллегии из трёх — партийных активистов, которые в своём большинстве традиционно придерживались левых взглядов, и «аффилированные организации», среди которых решающее слово всегда было за профсоюзами.

Но история партии последних лет, как и политика консерваторов после 2010 г. с сильным неолиберальным уклоном, вновь радикализовала как значительную часть членов партии, так и в целом многих британских избирателей. В пользу Корбина сыграло то же, что зарегистрировали майские выборы — большое количество разочарованных Партией либеральных демократов, многие из которых теперь могли сделать ставку на лейбориста — представителя «антиистеблишмента». Ещё один вероятный источник голосов, сыгравший в пользу Корбина — результаты всеобщих

выборов для ПНСК, которая в последние годы оттянула на себя значительное число лейбористского электората. Трансформация хороших результатов по полученным голосам в мизерный единственный парламентский мандат могла сподвигнуть часть электората этой гибридной партии обратить свой взгляд на неординарную фигуру левого крыла лейбористов, которая могла бы бросить вызов британскому политическому «мейнстриму».

На обозримую перспективу наиболее чувствительной темой политической повестки дня Британии останется референдум о членстве в ЕС, который не за горами. Это «минное поле», по которому правительству пройти без драматических последствий будет очень не просто. В переговорах с Брюсселем и столицами государств-членов Лондон, судя по всему, будет действовать по трём направлениям. Во-первых, выторговывать себе новые исключения-льготы в случае продвижения Евросоюза по пути «двух скоростей» (углубление интеграции в основном только в еврозоне) для того, чтобы не оказаться на периферии принятия решений в ЕС в целом. Во-вторых, настаивать, чтобы британский парламент получил больше полномочий по рассмотрению и мониторингу законодательного процесса, который происходит на уровне коммунитарного права ЕС (*acquis-communautaire*). В-третьих, добиться ужесточения в вопросах иммиграционного законодательства и выплат социальных пособий иммигрантам, а также сделать более строгим режим свободы передвижения внутри ЕС.

С этой темой неразрывна связана проблема иммиграции. Несмотря на то, что тори ставили в центр повестки дня вопрос о её сокращении ещё с 2010 г., когда пришли к власти, в 2014 г. в Великобританию въехало около 250 тыс. человек – одно из пиковых значений за последние 15 лет. Тем самым, правительство расписалось в собственном бессилии бороться с проблемой в тех условиях и на основе тех правил игры, которые задаёт ЕС. Британия приняла активное участие в новой операции Евросоюза в Средиземном море «Тритон», но резко выступила против предложения председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера о квотах по распределению мигрантов среди всех стран-членов ЕС.

Нельзя не отметить, что в отношении иммиграционной проблемы существует очевидная связь между внешней и внутренней политикой Великобритании. Это стало особенно заметно после присоединения Лондона к американскому вторжению в Ирак в 2003 г. Уместно вспомнить и о том, что Британия вместе с Францией создали во многом «рукотворный кризис» в Ливии, вмешавшись во внутренние дела этой страны.

Российско-британские отношения продолжают по инициативе Лондона пребывать в состоянии комы. Складывается впечатление, что Соединённое Королевство все последние два года соревновалось с США и Канадой в антироссийской риторике из-за событий на Украине, и тем самым самоустранилось от процесса урегулирования украинского кризиса. Это вызывает сожаление, ведь когда-то Британия не без оснований претендовала на роль «мостостроителя» в отношениях Кремля с Западом,

как и Вашингтона с Брюсселем. Остаётся ли у этого государства способность к стратегическому мышлению, которое в последнее десятилетие съёжилось до эха внешней политики США, покажет ближайшее будущее. В XXI столетии отсидеться за Ла Маншем, снисходительно именуя Атлантический океан «озером», уже вряд ли получится.

Публикация: 23 сентября 2015 года.

Материал доступен для скачивания по адресу: www.instituteofeurope.ru/publications/analytcs